

DOI 10.31250/2618-8619-2022-4(18)-86-94

УДК 294.3

Дмитрий Владимирович Иванов

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3096-2943
E-mail: dmitivanov@gmail.com

Головной убор и пелерина монгольских лам-оракулов из собрания Д. Д. Букинича

АННОТАЦИЯ. В Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого хранится ряд коллекций, поступивших от почвовед, гидротехника, археолога и этнографа Дмитрия Демьяновича Букинича (1882–1939). К сожалению, информации об этом деятельном собирателе, особенно много уделявшем внимание изучению Средней Азии, не так много. В статье кратко излагаются основные биографические сведения о Д. Д. Букиниче и о его работе в Монголии в 1933–1935 гг. в составе экспедиции по изучению Хангая, организованной Научно-исследовательским комитетом Монгольской Народной Республики. Результатом поездки в Монголию стали обширные этнографические коллекции, поступившие в Музей антропологии и этнографии. Дмитрий Демьянович был не только активным собирателем, но и увлеченным фотографом, сделавшим большое количество снимков Монголии раннего советского периода. Среди привезенных Букиничем монгольских экспонатов особо выделяются артефакты и фотографии, относящиеся к монгольским ламам-медиумам¹, занимавшим особое положение среди буддийского духовенства. На особый статус этих лам указывал еще в 1887 г. известный отечественный монголовед А. М. Позднеев. Подобные предметы являются большой редкостью в музейных собраниях и представляют значительный научный интерес. Также кратко рассматривается история лам-оракулов в Тибете и Монголии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Д. Д. Букинич, чойджин-ламы, ламы-оракулы, ламы-медиумы, Монголия первой половины 1930-х гг.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов Д. В. Головной убор и пелерина монгольских лам-оракулов из собрания Д. Д. Букинича. *Кунсткамера*. 2022. 4(18): 86–94. doi 10.31250/2618-8619-2022-4(18)-86-94

¹ Для ясности изложения в статье иногда будет использоваться более привычная для большинства читателей терминология, принятая в европейском спиритуализме.

Dmitrii Ivanov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3096-2943
E-mail: dmitivanov@gmail.com

Headdress and Cape of Mongolian Lamas-Oracles from the Collection of Dmitrii Bukinich

ABSTRACT. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) has a number of collections received from the soil scientist, hydraulic engineer, archaeologist and ethnographer Dmitrii Demyanovich Bukinich (1882–1939). Unfortunately, there is not much information about this active collector, who paid special attention to the study of Central Asia. The article briefly outlines the main biographical information about Dmitrii Bukinich and his work in Mongolia in 1933–1935, as a member of an expedition to study the Khangai mountains, organized by the Scientific Research Committee of the Mongolian People’s Republic. The trip to Mongolia resulted in extensive ethnographic collections that came to the Museum of Anthropology and Ethnography. Dmitrii Demyanovich was not only an active collector, but also an enthusiastic photographer who took a large number of photographs of Mongolia in the early Soviet period. Among the Mongolian ethnographic exhibits brought by Bukinich stand out artifacts and photographs relating to the Mongolian lamas-mediums, who occupied a special position among the Buddhist clergy. As early as 1887, the well-known Russian specialist in Mongolian language and culture A. M. Pozdnev pointed out the special status of these lamas. Such items are very rare in museum collections and are of considerable scientific interest. The history of oracle lamas in Tibet and Mongolia is also briefly reviewed in the article.

KEY WORDS: Dmitrii Bukinich, chos skyong, Mongolian Buddhist oracles, Mongolia in the first half of the 1930s

FOR CITATION: Ivanov D. Headdress and Cape of Mongolian Lamas-Oracles from the Collection of Dmitrii Bukinich. *Kunstkamera*. 2022. 4(18): 86–94. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-4(18)-86-94

Во время подготовки выставки «Россия и Монголия: дипломатия, торговля, научные экспедиции», посвященной 100-летию установления дипломатических отношений России и Монголии, наше внимание привлекли этнографические экспонаты и фотографии, привезенные из Монголии Дмитрием Демьяновичем Букиничем — инженером-ирригатором, руководителем крупных мелиорационных работ в Закаспийской области (Туркмении), увлеченным также изучением этнографии и археологии Центральной Азии. Собранные им экспонаты, как и переданные в Музей антропологии и этнографии стеклянные пластины-негативы, представляют значительный интерес. При этом информации о Дмитрие Демьяновиче, а особенно о его работе в Монголии, не так много. Отметим, что основной целью научной поездки Букинича в Монголию были археологические изыскания в районе древней столицы Монгольской империи Каракорума², однако мы ограничимся рассмотрением только маленькой части весьма обширного этнографического собрания, поступившего от него из Монголии, и основных сведений о собирателе.

Дмитрий Демьянович родился 15 октября 1882 г. в Ташкенте в семье почтово-телеграфного работника. В 1907 г. окончил инженерно-агрономическое отделение Московского сельскохозяйственного института (ныне Петровская сельскохозяйственная академия), а в 1918 г. — Археологический институт в Петрограде (Лунин 1974: 113). Почвоведение, гидротехника, а также археология, антропология и этнография станут основными направлениями деятельности Д. Д. Букинича, назначенного в 1920 г. начальником Тургайской мелиоративной экспедиции (Лунин 1974: 114). В 1924 г. Дмитрий Демьянович вместе с Николаем Ивановичем Вавиловым (1887–1943) отправился в Афганистан для исследования водных ресурсов этой страны. В ходе экспедиции ученым удалось проникнуть в труднодоступную высокогорную провинцию Нуристан на границе Афганистана и Пакистана. Антропологические и этнографические материалы из этой поездки, а также из командировки Д. Д. Букинича в Афганистан в 1926–1927 гг. поступили в Музей антропологии и этнографии³. В 1920-е годы, будучи сотрудником Туркменводхоза, он сочетал работу инженера с исследованием древнего поселения в Южной Туркмении. В отчете Музея антропологии и этнографии за 1924–1925 г. Букинич упоминается как один из наиболее активных исследователей и собирателей (Прищепова 2000: 121). Академик Н. И. Вавилов отмечал: «...из экспедиции он всегда возвращается нагруженным огромным количеством коллекций; собирая с одинаковой страстью растения, насекомых, образцы почв, геологических пород, этнографические предметы, он направлял их безвозмездно в музеи» (Вавилов 1939: 758). В 1928 г. Дмитрий Демьянович исследовал быт кочевников-джемшидов, белуджей в составе Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР⁴.

В 1933 г. Научно-исследовательский комитет Монгольской Народной Республики организовал экспедицию по изучению района Хангая, одного из основных горных хребтов страны. В составе экспедиции работали три отряда. Первый, возглавляемый А. Д. Симуковым⁵, изучал кормовые ресурсы в условиях кочевого хозяйства. Второй, под руководством М. И. Тубянского⁶, исследовал

² В 1935 г. в отдел археологии МАЭ РАН от Научно-исследовательского комитета Монгольской Народной Республики через Д. Д. Букинича поступила коллекция керамики, железных и кремневых предметов, скульптуры, зарегистрированная под № 5301 (Опись коллекции 5301: титул. л.).

³ По Книге поступлений МАЭ РАН мы насчитали 15 различных афганских коллекций, поступивших от Д. Д. Букинича, при этом возможно, что из-за краткости описания какие-то коллекции были нами пропущены (Книга поступлений МАЭ 2413–4824).

⁴ О поездке Д. Д. Букинича 1928 г. см.: (Прищепова 2000: 166–171).

⁵ Андрей Дмитриевич Симуков (1902–1942) — географ, почвовед, зоолог, этнограф, занимавшийся изучением кочевого скотоводства. В 1923 г. в составе Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова впервые попал в Монголию. В 1926 г. по приглашению Ученого комитета Монгольской Народной Республики остался работать в Монголии (Симукова 2007: 17). А. Д. Симуков подготовил «Географический атлас Монгольской Народной Республики» и «Географический очерк Монгольской Народной Республики». Изучая монгольское хозяйство, выявил шесть типов кочевков: «Хангайский», «Степной», «Западный», «Убурхангайский», «Восточный», «Гобийский» (Лхагвасурэн 2007: 87). В 1936 г. был награжден монгольским орденом «Полярная Звезда» (Симукова 2007: 21). В 1939 г. Симукова арестовали в Улан-Баторе сотрудники НКВД СССР по обвинению в шпионаже. Скончался 15 апреля 1942 г. в Печорском лагере. В 1956 г. А. Д. Симуков был полностью реабилитирован (Симукова 2007: 22).

⁶ Михаил Израилевич Тубянский (1893–1937) — индолог, буддолог и монголовед, с 1930 по 1936 г. ученый секретарь Научно-исследовательского комитета МНР. О нем см.: (Кожевникова 2013: 343–359).

монастырь Эрдэни-Дзу⁷, а третий отряд, занимавшийся археологическим обследованием района, возглавил Д. Д. Букинич (АМАЭ К-1. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 1). Как отмечал сам Дмитрий Демьянович, «впервые организованы раскопки на развалинах монастыря Кара-Корум у монастыря Эрдэни-Дзу. Развалины засняты в большом масштабе, нежели это было выполнено экспедицией Радлова (съёмка инструментальная)» (АМАЭ К-1. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 2). Отметим, что Букинич составил для привезенных им артефактов и негативов довольно подробные описи, разбитые на разделы. Судя по описям собирателя, материалы, поступившие в МАЭ, были приобретены в районе Эрдэни-Дзу, а также в Улан-Баторе. Среди многочисленных монгольских предметов и фотографий, поступивших от Дмитрия Демьяновича, выделяются экспонаты, связанные с чойджин-ламами — буддийскими ламами-оракулами, о которых надо сказать особо.

Култ чойджин (чойчжон, чайджин)-лам, медиумов, духом-наставником⁸ которых является чойчжон (тиб. *chos skyong*) — божество-хранитель учения, имеет давнюю историю в тибетском буддизме. Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (1873–1930), совершивший в начале XX в. знаменитое путешествие в Тибет, несколько раз наблюдал сходжение чойчжонов (Цыбиков 1981: 53–54, 107, 109, 126–129, 132) и уделил положению лам-провидцев в Тибете несколько страниц в своей широко известной работе «Буддист-паломник у святынь Тибета» (Цыбиков 1981: 172–175). Цыбиков отметил, что дар прорицания бывает как выборным, так и наследственным, а также то, что медиумы «играют громадную роль во всех делах, начиная от государственной политики до частной жизни каждого человека» (Цыбиков 1981: 175).

Особое место среди тибетских прорицателей играл медиум монастыря Нэчунг⁹, провозглашенный в XVII в. Далай-ламой V государственным оракулом Тибета. Считается, что главным провидцем Страны снегов овладевает гневное божество Пехар (тиб. *Pe har*), введенное в тибетский пантеон легендарным йогином-тантриком VIII в. Падмасамбхавой. Примечательно, что известный отечественный востоковед Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) отмечал, что монгольские чойджин-ламы почитают основателем своего учения Падмасамбхаву и всегда держат его изображение у себя в юрте (Позднеев 1887: 162). Местопребыванием Пехара считается монастырь Нэчунг Гомпа, расположенный примерно в полумиле от одного из крупнейших тибетских буддийских центров монастыря Дрепунг. Г. Ц. Цыбиков приводит любопытную легенду о появлении нэчунгского медиума: «Самым популярным из чойчжонов являются так называемые пять царей, а между ними царь Бэхар (Пехар. — Д. И.), или “царь деяний”, который ныне у ламаитов известен под именем Найчун (Маломестный). Про происхождение этого последнего названия рассказывают следующее. С давних пор царь Бэхар был почитаем в монастыре Цалгунтане, находящемся верстах в семи на юго-восток от Лхасы, на левом берегу реки Уй. После одного несчастного случая цалгунтанцы, недовольные небдительностью своего охранителя, положили (понятно, изображение) его в маленький ящик и пустили плыть по названной реке. Против монастыря Брайбун (монгольское произношение монастыря Дрепунг. — Д. И.) один из монахов увидел плывущий мимо ящик и, вытащив из реки, понес в свой монастырь. Немного не дойдя до монастыря, монах полюбостовал посмотреть, что находится в ящике? и приподнял крышку. Тогда из него вылетел чойчжон и, поместившись на одном дереве, крикнул: “Найчун, найчун!”, т. е. “Мало места, мало места!” Удивленный таким чудом монах пошел в монастырь и сообщил об этом приключении. Тогда решили на этом же месте построить кумирню для чойчжона, который затем стал сходиться на одного из монахов и через него давать прорицания» (Цыбиков 1991: 168).

Вторым по чести тибетским провидцем является оракул монастыря Гадон, дар которого наследуется. Г. Ц. Цыбиков отметил, что во время церемонии чойчжона Гадона ему прислуживал сын, принявший также духовные обеты, но женатый на княжне Лха-лу-гун. Этому сыну предстояло наследовать должность отца (Цыбиков 1991: 125). Пехар — «дух-наставник» не только

⁷ Старейший каменный монастырь Северной Монголии, основанный в 1586 г. на месте южной части Каракорума.

⁸ Дух-наставник (англ. *spirit guide*) — термин, используемый в западном спиритуализме.

⁹ В настоящее время резиденцией оракула является новый монастырь Нэчунг, основанный Далай-ламой в Индии.

оракула Нэчунга, но и некоторых других медиумов, занимавших высшее положение среди тибетских предсказателей. Статус провидца зависит от ранга и количества божеств, нисходящих на него (Nebesky-Wojkowitz 1956: 421). Даром прорицания обладают и женщины. Одну из них посетил Г. Ц. Цыбиков (Цыбиков 1991: 129). Тибетолог Рене Небески-Войковиц (1923–1959), много занимавшийся изучением культа гневных божеств в Гималаях, отмечал: общим правилом является, что мужские божества сходят на мужчин, а женские — на женщин. При этом мужчины медиумы преобладают (Nebesky-Wojkowitz 1956: 409).

Из Тибета традиция лам-оракулов проникла в Монголию, где чойджин-ламы известны минимум с 1870-х гг., когда их наблюдал А. М. Позднеев, записавший: «Говорят, что в старину чойджины приходили в Монголию из Тибета» (Позднеев 1887: 162). Впоследствии в Северной Монголии сформировался также институт государственного ламы-прорицателя. В 1875 г. вместе с шестилетним Богдо-гэгэном VIII (главой буддийской церкви Северной Монголии) в Монголию из Тибета приехал его младший брат Лувсанхайдав. В 1884 г. было решено сделать Лувсанхайдава ламой-оракулом Северной Монголии. Церемонию нисхождения «духа-провидца» провели специально приглашенный из Тибета чойджин-лама Сэтээв и ургинский лама Лувсанпэлжээ. Как отмечает С. Л. Кузьмин, «после провозглашения независимости Монголии брат Богдо-гэгэна чойджин-лама Г. Лувсанхайдав стал государственным оракулом. Это было сделано по аналогии с Тибетом, где государственные оракулы были довольно давно. <...> у Лувсанхайдава был специальный лама, который объяснял его фразы, сказанные в трансе. Чойджоны сходили на Лувсанхайдава не реже шести раз в месяц. Богдо-гэгэн VIII издал лундэн¹⁰, что эти чойджоны сахьюсы¹¹ сходят для защиты всех монголов. Схождение и остальной ритуал проходили аналогично тому, как в Тибете» (Кузьмин 2016: 162). В 1896–1902 гг. для Лувсанхайдава возвели резиденцию-монастырь, сгоревший в 1903 г. и вновь отстроенный к 1908 г. Этот храмовый комплекс, сохранившийся до наших дней, является одной из достопримечательностей современного Улан-Батора. В собрании Музея антропологии и этнографии хранится фотография (стеклянная пластина-негатив) этого монастыря, снятая Д. Д. Букиничем в первой половине 1930-х годов (рис. 1, см. вклейку).

Перед проведением ритуала ламы-оракулы надевали специальное одеяние, включавшее особые головные уборы и пелерины. Подобную пелерину, украшенную вышитыми монограммами мантры Калачакры (Om Nam Ksha Ma La Va Ra Ya Sva Ha)¹², (рис. 2, см. вклейку) и головной убор (рис. 3, см. вклейку) Д. Д. Букинич передал Музею антропологии и этнографии. Г. Ц. Цыбиков в работе «Буддист-паломник у святынь Тибета» привел описание нескольких церемоний схождения чойджонов и костюмов, используемых медиумами. Приведем выдержки из описания церемонии, состоявшейся 7 июня 1901 г. по просьбе бурятских паломников: «...прорицатель оказался одетым в парчовый, с широкими рукавами халат, с разными привесками, из коих можно упомянуть о круглом металлическом зеркале на груди, на котором изображен вызолоченный мистический знак “хри”. На левом бедре — шашка в ножнах, на правом — колчан со стрелами. На голове — своеобразный шлем со многими флажками на палочках, воткнутых нижними концами в шлем. Верхние концы их украшены шариками из белого пуха грифов» (Цыбиков 1981: 127). Полученный от Д. Д. Букинича ритуальный головной убор напоминает воинский шишак, украшенный спереди отличительным атрибутом гневных буддийских божеств — венцом из пяти черепов. Ранее сверху шлем венчал султан или флажок. С двух сторон, по бокам от венца, сохранились трубочки, куда, видимо, также вставлялись флажки. Р. Небески-Войковиц отмечает, что подобный шлем надевали медиумы, на которых нисходили божества царского (тиб. *rgyal po*) класса, включая оракула монастыря Нэчунг (Nebesky-Wojkowitz 1956: 411).

¹⁰ Лундэн — наставление, указ Богдо-гэгэна.

¹¹ Сахьюсан — божество-защитник.

¹² Символическое изображение мантры Калачакры, известное как «Всемогущая десятка» — монограмма, составленная из переплетенных между собой семи слогов мантры Калачакры (Nam Ksha Ma La Va Ra Ya), написанных вертикально письменностью ланца. Над верхней горизонтальной чертой вертикально друг над другом располагаются лунный месяц, солнце и язычок пламени, образуя вместе со слогами десять знаков, представляющих три аспекта Калачакра-тантры (Beer 1999: 123–124).

Рис. 4. Палатка чойджин-ламы. Фото Д. Д. Букинича, 1933–1935 гг. МАЭ И 295-306

Fig. 4. Tent of Choijin Lama. Photo by D. D. Bukinich, 1933–1935. MAE I 295-306

Монгольские чойджин-ламы вели образ жизни, нехарактерный для остального духовенства. А. М. Позднеев так описывал монгольских лам-прорицателей: «Эти последние представляют собой нечто среднее между магами буддийскими (йогинами-тантриками. — *Д. И.*) и шаманами. Они причисляются обычно к монастырям, но в самих монастырях не живут никогда. Все они принимают ламские (монашеские. — *Д. И.*) обеты, тем не менее некоторые из них живут с женами, и это не только не почитается предосудительным, но даже законным; разумеется, что уже одно это обстоятельство должно убеждать нас, что чойджины-сангасак, в понятиях монголов, представляют собою нечто отличное от обыкновенных лам» (Позднеев 1887: 161). Д. Д. Букинич называет их «бродячими ламами» и в примечании к фотографии (МАЭ И 295-256) пишет: «Майханы (палатки), в которых живут и выполняют службы чайджины — бродячие ламы. У палатки видны заплечные носилки, при помощи которых бродячие ламы переносят все свои принадлежности культа, утварь и самые палатки» (Опись коллекции И 295: Л. 28). Ему удалось сфотографировать подобную палатку и «женщину-монахиню», служившую помощницей у чойджина (рис. 4, 5). Обратим внимание, что на голове у женщины действительно надета монашеская шапочка¹³. Интересно, были ли эти женщины также предсказателями, подобно тибетским женщинам-медиумам, или только помогали ламам-мужчинам во время службы? Скорее всего, целибат ими не соблюдался. Дмитрий Демьянович также привез из Монголии колышек от палатки бродячего чойджин-ламы (рис. 6, см. вклейку).

Д. Д. Букиничу удалось собрать в Монголии обширную и необычную коллекцию культовых предметов, частью которой являются головной убор и пелерина оракулов, а также сфотографиро-

¹³ В буддизме существует женское монашество, но распространено оно намного меньше мужского.

Рис. 5. Чойджин-лама и прислуживающая ему женщина.
Фото Д. Д. Букинича, 1933–1935 гг. МАЭ И 295-308

Fig. 5. Chojjin Lama and a woman serving him. Photo by D. D. Bukinich, 1933–1935. MAE I 295-308

вать некоторые подробности монашеской жизни, прежде никогда не попадавшие в объектив более именитых ученых и фотографов. Отметим, например, снимки репетиции мистерии цам, выполненные Дмитрием Демьяновичем. Саму мистерию и монахов-актеров ранее удалось запечатлеть А. К. Кузнецову, Н. А. Чарушину, А. А. Лушникову и др., но Букинич смог снять подготовку лам к выступлению. По всей видимости, уникальность его коллекций определяется эпохой ранней советизации Монголии первой половины 1930-х годов, когда буддийские монастыри еще действовали, в них проводились мистерии, ламы-оракулы давали предсказания, но двери монастырей уже были полностью открыты для официального сотрудника Научно-исследовательского комитета МНР, товарища из Советского Союза.

Эпоха повлияла и на судьбу самого Дмитрия Демьяновича. Вернувшись из Монголии в 1935 г., в 1936–1937 гг. по приглашению Узкомстариса он участвовал в Термезской археологической экспедиции, занимаясь изучением истории водоснабжения Термеза и его окрестностей (Лунин 1974: 114), но обстановка становилась все напряженнее. В 1937 г. арестован и расстрелян М. И. Тубянский, возглавлявший один из отрядов Хангайской экспедиции. 28 января 1939 г. Д. Д. Букинич в Ташкенте покончил жизнь самоубийством. Как пишет А. А. Формозов, самоубийство было вызвано волной политических репрессий конца 1930-х годов (Формозов 1998: 203). Академик Н. И. Вавилов написал на смерть коллеги проникновенный некролог, опубликованный в «Известиях географического общества» (Вавилов 1939: 758–759).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АМАЭ. К-1. Ленинградская часть Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Оп. 2. Полевые материалы из экспедиций и командировок. Ед. хр. 24.

Букинич Д. Д. Предварительное сообщение об археологических исследованиях в МНР в 1933 г. Приложение: рисунки, чертежи, заметки. 1937 г. 210 л.

Книга поступлений МАЭ РАН 2413–4824.

Опись коллекции МАЭ РАН № 5301.

Опись коллекции МАЭ РАН И 295.

Вавилов Н. И. Дмитрий Демьянович Букинич // Известия Государственного географического общества. 1939. Т. 71, № 5. С. 758–759.

Кожевникова М. Н. Ученый секретарь Комитета наук МНР М. И. Тубянский // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М.: Восточная литература, 2013. С. 343–359.

Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: КМК, 2016.

Лунин Б. В. Историография общественных наук в Узбекистане: био-биографический очерк. Ташкент: Фан, 1974.

Лхагвасурэн И. А. Д. Симуков — этнограф // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Осака: Государственный музей этнологии, 2007. Т. 1. С. 85–89.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб.: тип. Имп. АН, 1887.

Прищепова В. А. Коллекции заговорили. СПб.: МАЭ РАН, 2000.

Симукова Н. А. Андрей Дмитриевич Симуков, жизнь и труды // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Осака: Государственный музей этнологии, 2007. Т. 1. С. 15–29.

Формозов А. А. Русские археологии и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская археология. 1998. № 3. С. 191–206.

Цыбиков Г. Ц. Избранные труды в двух томах. Т. 1: Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука, 1981.

Цыбиков Г. Ц. Избранные труды в двух томах. 2-е изд., перераб. Т. 1: Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука, 1991.

Beer R. The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs. Boston: Shambhala, 1999.

Nebesky-Wojkowitz R. Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of Tibetan Protective Deities. London: Oxford University Press, 1956.

REFERENCES

Formozov A. A. Russkie arkheologii i politicheskie repressii 1920–1940 godov [Russian Archaeologists and Political Repressions of 1920–1940]. *Rossiiskaia arkheologiia*, 1998, no. 3, pp. 191–206.

Kozhevnikova M. N. Uchenyi sekretar' Komiteta nauk MNR M. I. Tubianskii [Academic Secretary of Scientific Committee M. I. Tubianskii]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Iss. XXXIV. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnaia literatura, 2013, pp. 343–359.

Kuz'min S. L. *Teokraticheskaia gosudarstvennost' i buddiiskaia tserkov' Mongolii v nachale XX veka* [Theocratic Governmentality and Buddhist Church of Mongolia in Early 20th Century]. Moscow: KMK, 2016.

Lunin B. V. *Istoriografiia obshchestvennykh nauk v Uzbekistane: bio-biograficheskii ocherk* [Istoriography of Social Sciences in Uzbekistan: Bio-Biographical Essay]. Tashkent: Izdatel'stvo FAN Uzbekskoi SSR, 1974.

Lkhagvasuren I. A. D. Simukov — etnograf [A. D. Simukov is Ethnographer]. *A. D. Simukov. Trudy o Mongolii i dlia Mongolii* [A. D. Simukov. Works on Mongolia and for Mongolia]. Vol. 1. Osaка: Gosudarstvennyi muzei etnologii, 2007, pp. 85–89.

Prishchepova V. A. *Kolleksii zagovorili* [Collections Spoke]. St. Petersburg: MAE RAN, 2000.

Simukova N. A. Andrei Dmitrievich Simukov, zhizn' i trudy [Andrei Dmitrievich Simukov, Life and Works]. *A. D. Simukov. Trudy o Mongolii i dlia Mongolii* [A. D. Simukov. Works on Mongolia and for Mongolia]. Vol. 1. Osaka: Gosudarstvennyi muzei etnologii, 2007, pp. 15–29.

Tsybikov G. Ts. Izbrannye trudy v dvukh tomakh. Vol. 1: Buddist palomnik u sviatyn' Tibeta [Selected Works in 2 vols. Vol. 1: Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet]. Novosibirsk: Nauka, 1981.

Tsybikov G. Ts. Izbrannye trudy v dvukh tomakh. Vol. 1: Buddist palomnik u sviatyn' Tibeta [Selected Works in 2 vols. Vol. 1: Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet]. Novosibirsk: Nauka, 1991.

Vavilov N. I. Dmitrii Dem'ianovich Bukinich. *Izvestiia Gosudarstvennogo Geograficheskogo Obshchestva*, 1939, vol. 71, no. 5, pp. 758–759.

Submitted: 25.10.2022

Accepted: 03.11.2022

Published: 15.12.2022

Рис. 1. Вид монастыря Чойджин ламын сумэ. Фото Д. Д. Букинич, 1933–1935 гг. МАЭ И 295-20
Fig. 1. View of Choijin lamyn sum monastery. Photo by D. D. Bukinich, 1933–1935. MAE I 295-20

Рис. 2. Пелерина чойджин-ламы. Фото С. Б. Шапиро, 2019 г. МАЭ № 5303-12
Fig. 2. Cape of Choijin Lama. Photo by S. B. Shapiro, 2019. MAE No. 5303-12

Рис. 3. Ритуальный головной убор чойджин-ламы. Фото С. Б. Шапиро, 2019 г. МАЭ № 5303-11
Fig. 3. Ritual headdress of Choijin Lama. Photo by S. B. Shapiro, 2019 MAE No. 5303-11

Рис. 6. Кольшек от палатки чойджин-ламы. Фото С. Б. Шапиро, 2019 г. МАЭ № 5303-30
Fig. 6. Peg from the tent of Choijin Lama. Photo by S. B. Shapiro, 2019. MAE No. 5303-30